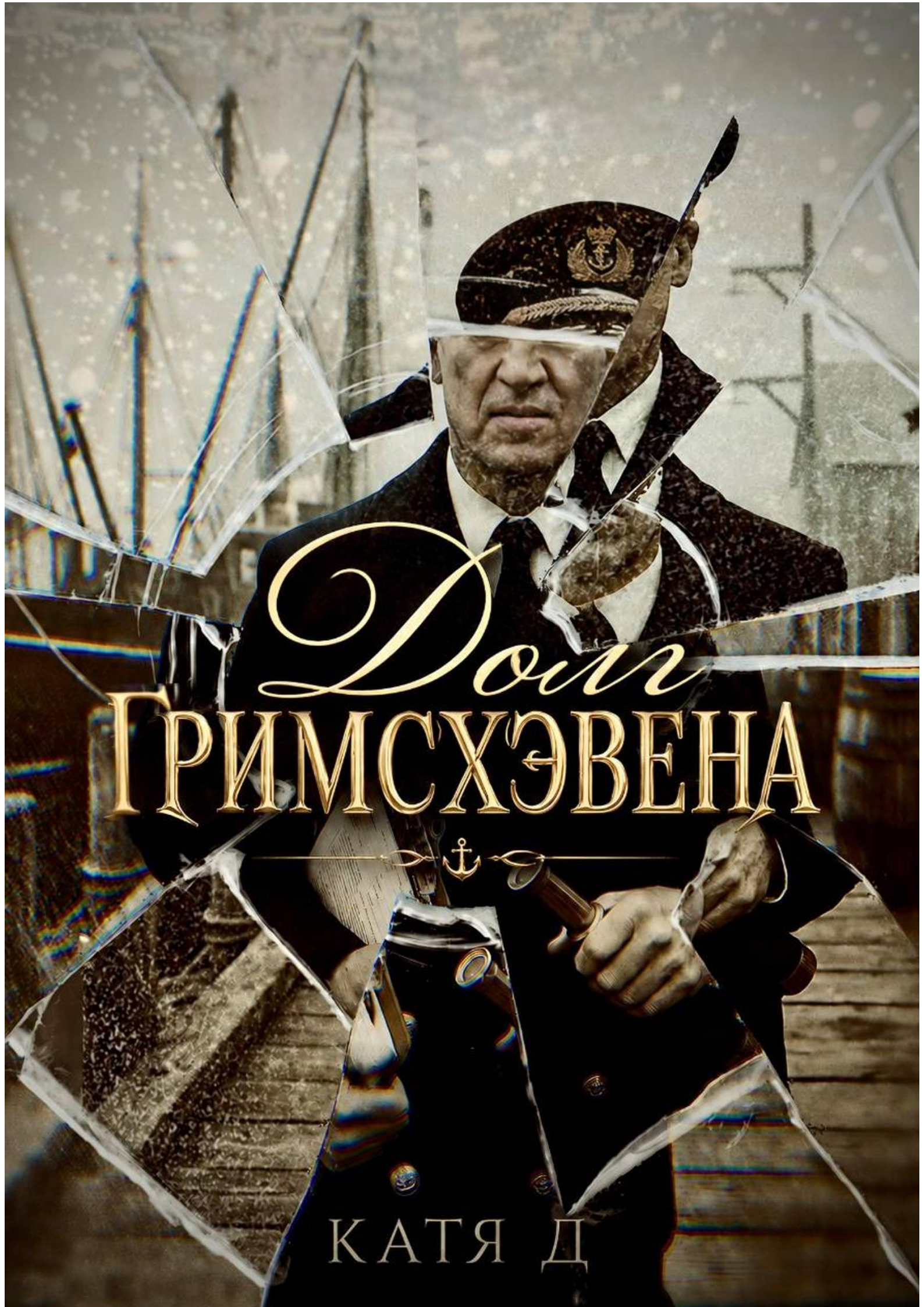

A man in a dark naval uniform with a peaked cap is the central figure. He is holding a document in his left hand and a telescope in his right. The image is overlaid with a shattered glass effect, with numerous cracks and fragments visible. The background shows the masts and rigging of sailing ships.

Дом ГРИМСХЭВЕНА

КАТЯ Д

Катя Д.

Долг Гримсхэвена

«Автор»

2026

Д. К.

Долг Гримсхэвена / К. Д. — «Автор», 2026

Осенью 1910 года рабочие порта Гримсхэвена стали невольными участниками события, о котором поклялись молчать до конца своих дней. Они сдержали клятву. Спустя десять лет в живых осталось лишь несколько человек. И прошлое, которое они отчаянно пытались похоронить, возвращается, чтобы завершить начатое.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Катя Д. Долг Гримсхэвена

Пролог

*Гримсхэвен, Новая Англия,
октябрь 1910 г.*

Луна той ночью не обладала ни красотой, ни хоть малейшим очарованием. Она будто отделилась от земли, и хотя подобное невозможно, всё же выглядела ничтожной — меньше цента. В обычные дни её свет заливал бухту, очерчивая скалы, мачты шхун и дымовые трубы траулеров, сегодня же по воде стелилась скудная бледная полоса. Старый сторож, Элиас Баллард, смотрел на подсвеченную луной дорожку, испытывая чувство омерзения. Он не брался объяснить природу этого ощущения, но та часть естества, что не один век сохраняла жизнь пугливым предкам, была настороже. Впервые в перекате волн виделось ему не великолепие и мощь природы, а непрекращающееся копошение. Точно сотни морских гадов кишели на поверхности, подставляя скользкие спины ветру.

Когда небо скрыли облака, наваждение схлынуло. Элиас, удовлетворённый тем обстоятельством, что никто не обращал на него внимания, отошёл от остальных и присел у фонарного столба. Винтовку пристроил рядом. После взгляда на пирс, где по-прежнему толпились мужчины, он вытащил из кармана куртки кисет и трубку.

С приходом заморозков ветер растерял остатки тепла и теперь забирался под одежду, заставляя мужчин в жёлтых непромокаемых плащах изредка дышать на пальцы. Однако никто не уходил. Элиас надвинул вязаную шапку на самые брови, зачерпнул щепотку табака и, аккуратно утрамбовав его, чиркнул спичкой о подошву. Секундная вспышка осветила его морщинистое лицо с седой щетиной и глаза, которые ни на миг не отрывались от товарищей.

Несколько мгновений все молча слушали скрип канатов, пока Фрэнсис Келли, здоровенный стропальщик из Ирландии, не выругался. Он достал часы, нахмурил белёсые брови и посмотрел в темноту перед собой.

— Мистер Эшкрофт! Доктор Фитцпатрик! Эй!

Зов на миг повис в воздухе. С холмов донёсся лай, но был короток и неуверен; не прошло полминуты, как стих и он.

— Куда они, чёрт побери, провалились? — спросил один из мужчин. — Может, что-то случилось?

Несколько докеров опустились на ящики и проследили за лучом маяка, который вынырнул из-за скал и скользнул по воде.

— Как пить дать, энто неспроста, — сказал Келли.

Он уже было снова приставил ладони ко рту, когда позади раздались быстрые шаги. Застучали доски, и в свете фонарей показались маршал Фостер с мистером Хоторном. Воротник шерстяного пальто начальника порта был поднят до самой челюсти, а фуражка отбрасывала тень на глаза. Фостер же, ниже на добрую голову, кряжистый, с усами точь-в-точь как у старого моржа, семенил рядом. Элиас тут же вскочил.

Едва оказавшись у воды, Хоторн посмотрел туда, где по определению заканчивалась бухта.

— Перестаньте кричать, мистер Келли, — сказал он негромко. — Если бы они слышали и могли ответить, то уже сделали бы это.

— Но сэр...

— Подготовьте шлюпку.

Самый молодой из сторожей, Вилли Харрис, стащил с головы зюйдвестку. Его гладкое лицо с россыпью веснушек выглядело совсем по-детски среди грубых, обветренных лиц товарищей. Он прижал шляпу к груди и выдавил:

— Вы собираетесь отправиться туда, сэр? Если так, сэр, разрешите плыть с вами. Сайлас, который лодочник... Он мой друг, сэр, и я не могу...

Маршал вскинул руку.

— Тихо! Слышите?

Как по команде мужчины замерли. За плеском волн теперь отчётливо угадывался и другой звук, которого прежде не было: глухие удары дерева о дерево. Один из докеров неуверенно указал в сторону тёмного силуэта баржи. Келли схватил стоящий на ящике фонарь и упал на колени в попытках определить источник звука, но свет рассеивался, выхватывая лишь край сетей и мутную отметку на футштоке. Дальше начиналась чернота, плотная, как смола.

— Света сюда! — крикнул Хоторн, не отрывая взгляда от воды. — Живее!

Двое докеров подхватили масляные лампы, закреплённые на шестах, и перегнулись через ограждение. Языки пламени заметались, выхватывая то скользкую сваю, то рябь, которую ветер гнал к берегу. Последовал новый удар, а затем из-за плоского борта баржи показалась шлюпка.

— Господи помилуй, — выдохнул Вилли.

Одна уключина была выломана, вторая безвольно висела на ржавом болте. На дне, где блестела вода, под передней банкой угадывался разбитый фонарь. Ни вёсел, ни людей внутри не оказалось.

Маршал с недоумением взирал, как пустая шлюпка медленно движется в их сторону.

— Хоторн! Какого дьявола здесь происходит?

Хоторн намеревался заговорить, когда Келли, поджидающий шлюпку у лестницы, всмотрелся в темноту. Даже старый Элиас отнял трубку ото рта и прищурился.

— Сэр, коли глаза меня не подводят, — сказал Келли. — То в воде кто-то есть. Посмотрите-ка сами.

Так и было. В свете фонарей они разглядели фигуру, цепляющуюся за весло. Человек пытался удержаться на поверхности, но руки скользили, и ледяная вода то и дело смыкалась над ним чёрным саваном.

Хоторн бросился к лестнице, отталкивая Келли с дороги.

— Багор, чёрт возьми! Несите багор!

Фигура дёрнулась, а затем вовсе скрылась из виду. На несколько мгновений Хоторн, как и остальные, решил, что всё кончено. Он застыл, крепко сжимая поданный багор, вглядываясь в водные хребты, которые беспокойно колебались в тусклом свете луны. Один-два докера было потянулись к зюйдвесткам, когда голова человека вновь показалась на поверхности.

Хоторн ринулся вниз, ступил на носовую часть прибившейся шлюпки и вытянул перед собой багор. Келли соскользнул следом, одной рукой ухватился за лестницу, другой сжал плечо Хоторна. Металлический крюк багра пару раз скользнул по одежде утопающего, пока наконец не зацепился за ворот. Хоторн осторожно потянул, и тело безвольной куклой заскользило по волнам. Ещё до того, как человека подняли на пирс, все распознали в нём Ричарда Эшкрофта — помощника и правую руку Хоторна.

Открыл глаза он не сразу. Вода стекала с волос и одежды, а на лице — до того бледном, почти фарфоровом — выделялись посиневшие губы. Никто бы не удивился, если бы Эшкрофт не дышал вовсе. Однако тот всё же был жив.

Докеры стащили с мужчины верхнюю одежду, та с хлопком упала на доски. Ветер тут же принялся терзать мокрую рубашку. Даже те, кто стоял поодаль, поёжились, будто холод коснулся их самих. Хоторн, не говоря ни слова, сбросил шерстяное пальто и укутал плечи помощника. Маршал же поднёс к губам Эшкрофта флягу:

— Сделай глоток, сынок, только осторожно.

Кадык Эшкрофта дёрнулся раз, другой. Спустя мгновение его тело свела крупная дрожь. Вилли испуганно отпрянул, но маршал покачал головой.

— Всё хорошо. Так и должно быть.

— Ричард, что произошло? — спросил Хоторн. — Где остальные?

Ответа не последовало. Тогда Хоторн опустился на колено, заглянул в лицо мужчины. Ричард Эшкрофт всегда был человеком крепким, выносливым, не из тех, кто пасует перед опасностью. К тому же с недавнего времени он стал отцом двоих девочек. Может, оттого столь рьяно и цеплялся за жизнь. Только вот сейчас перед Хоторном сидел кто-то другой. Глаза его уставились в темноту, туда, где чернели бескрайние воды залива Мэн.

— Ричард, — Хоторн коснулся его плеча. — Что ты видел?

Эшкрофт уцепился в руку начальника, глаза его, прежде спокойные, наполнились ужасом.

— Всё будет хорошо. Слышишь меня?

Тот замотал головой, пополз назад, волоча за собой тяжёлое пальто. Прочь от воды.

Докеры недоумённо переглянулись. Поднявшись, Хоторн скрестил руки за спиной.

— Фрэнсис, будьте добры, проводите мистера Эшкрофта в контору. Необходимо его согреть и привести в чувство.

Келли кивнул, шагнул за спину Эшкрофту, наклонился, чтобы поднять его. И замер.

— Сэр, — выдохнул он, глядя за спины мужчин. — Тама... Дьявол, тама в воде кто-то ещё!

Что-то в лице Фостера дрогнуло. Он с опаской кинул взор на Эшкрофта, тотчас застывшего в немой кататонии, в надежде понять или же увидеть происходящее его глазами, а потом медленно, будто каждое движение причиняло боль, повернул голову. Повернулся и Хоторн.

Вода, до этого момента чёрная и непроглядная, ожила. Подобно жемчугу на тёмном бархате на поверхность то показывались, то исчезали бледные лица людей. Их оказалось с десяток, может, больше. Серые лица были приподняты, отчего в темноте напоминали загадочных истуканов с острова Пасхи — безмолвных и погребённых под толщей земли. Рты открыты, но, как ни старался Хоторн, так и не услышал ничего, кроме всплесков.

Их мутные глаза не смотрели на пирс. Взоры были обращены на холм, где в свете газовых фонарей угадывались очертания домов и шпиль церкви.

Они плыли к городу.

Келли медленно выпрямился. Его крупные руки, готовые мгновение назад подхватить Эшкрофта, бессильно опустились. Маршал переместил ладонь на кобуру. Докеры же отступили. Их воспалённые взгляды заметались между фигурами в воде и Хоторном.

— От имени администрации порта Гримсхэвен я запрещаю вам приближаться к берегу!

— Убирайтесь, чёрт бы вас побрал! — вслед прокричал маршал. — Прочь! Назад!

Никто не остановился. Они даже не посмотрели в сторону пирса.

Хоторн обернулся на спящий город. Затем перевёл взгляд на маршала — тот кивнул и потянулся к револьверу.

— Мистер Баллард, мистер Харрис, винтовки на изготовку, — отдал приказ Хоторн.

Вилли замотал головой и отступил.

— Нет, сэр, я не могу. Там же люди! Ради всего святого...

— Сынок, достань оружие, — велел Фостер.

Неожиданно для всех Вилли бросился к Эшкрофту.

— Сэр, что вы видели? Что с этими людьми? Умоляю, сэр, скажите, что вы видели на том кора...

— Дай сюды!

Келли вырвал из рук Харриса винтовку и уже твёрдым шагом подошёл к Балларду, который стоял рядом с Хоторном и Фостером.

Грохот винтовок разорвал тишину осенней ночи. Выстрелы били по воде, дробя лунную дорожку. Следом, срываясь с крыш складов и мачт шхун, с истошным криком в небо взмыли чайки. Крики их смешались с выстрелами. Бледные лица в воде дёргались, но люди не перестали плыть. Те, кого настигла пуля, уходили под воду, чтобы через мгновение всплыть — теперь уже уставившись в небо.

Когда дым рассеялся, луна показалась снова. Свет её переместился и упал на жёлтый флаг вдалеке.

Часть первая

Десять лет спустя

Генри ступил на кладбище как раз в тот миг, когда двери церкви распахнулись, и над территорией разнёсся тягучий звон колокола.

Он запыхался. Сотня ступеней в его возрасте даётся нелегко, особенно когда вся жизнь уместается между домом и бакалейной лавкой. Сердце колотилось где-то у горла, но Генри приказал себе дышать ровно и не шататься на виду у всех. Возможно, он и не пришёл, если бы не прощание со старым другом.

Фигуры в чёрном рекой вытекли из церкви. Женщины придерживали вуали, но ветер с залива, солёный и липкий, всё равно трепал чёрный креп их юбок, отчего те бились, как спущенные флаги. Мужчины мяли в руках шляпы, а дети, изрядно продрогшие от бездействия, понуро плелись следом.

Шестеро человек вынесли дубовый гроб с латунными ручками, блестящими даже в тусклом октябрьском свете. Генри сразу распознал четверых констеблей, брата покойного — Сэмюэла Фостера и Ричарда Эшкрофта.

Последний изменился за десять лет. Должно быть, должность начальника порта, ответственность, взяли своё. Мужчина раздался в плечах, держался статно и с достоинством, но вместе с тем лицо его огрубело, а под глазами залегли тени. На долю секунды их взгляды пересеклись, но не успел Генри кивнуть, как Эшкрофт отвернулся.

Слегка прихрамывая после подъёма, Генри поспешил в конец процессии. В воздухе стоял свойственный октябрю горьковато-сладкий запах увядания, который поднимался над рощами и пустошами Новой Англии и до конца ноября поселялся в садах.

Священник остановился у ямы, поднял руку, и собравшиеся замерли.

— *Я есмь воскресение и жизнь, — сказал Господь...*

Взгляд Генри скользнул по надгробиям, которые теснились вокруг, наклонённые временем и непогодой. В сущности он знал здесь каждую могилу. Когда-то сам поддерживал в порядке весь семейный участок, но в последние одиннадцать лет они с женой ухаживали только за одной. Даже отсюда он мог видеть небольшое надгробие под белой сосной. Его единственным украшением был ягнёнок, вырезанный из камня. Лежащая фигурка с покорно опущенной головой выступала из серого гранита прямо над датами. Над таким несправедливо коротким отрезком времени.

В то недоброе лето, когда холера и тиф косили портбывые города на северо-востоке с особой жестокостью, беда не миновала и Гримсхэвен. Говаривали, что заразу принёс пароход из Бостона — то ли кто-то из пассажиров, то ли же сам груз. Как бы то ни было, лихорадка валила людей за считанные дни. Тогда остров потерял больше двух десятков жителей. И маленький ягнёнок на могиле их с Констанс сына, каких в тысяча девятьсот девятом году появилось ещё с полдюжины, был лишь одним из многих.

— *И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрёт вовек...*

Но сегодня под молитву священника он отметил другие могилы на западном склоне, где всегда росли кусты ежевики. Генри насчитал с десяток ровных белых надгробий, потом сбился. Стандартные военные могилы. Такие же, как на любом кладбище Америки сейчас, со схожими датами: тысяча девятьсот семнадцатый, тысяча девятьсот восемнадцатый, тысяча девятьсот девятнадцатый. И имена тоже знакомые каждому в городе. Кое-где земля даже не успела осесть, а вместо надгробий до сих пор стояли деревянные кресты с жестяными табличками, которые уже начинали ржаветь от солёного воздуха.

И наконец Генри повернул голову туда, где под холодными камнями в окружении клёнов покоились его товарищи.

Первым не стало Элиаса Балларда. Спустя год после той ночи его нашли у склада с бутылкой виски. По словам коронера, старый сторож захлебнулся.

Следом двое докеров. Один утонул в штиль, когда его лодка перевернулась на гладкой, как зеркало, воде. Второй повесился в сарае, оставив записку, которую его жена сожгла, а после и вовсе покинула остров.

Ещё один умер через три года. Другой — через пять.

Вилли Харрис погиб при переправе через Марну. Снаряд разнёс баржу в щепки. Говорили, что уцелевшие солдаты бросились на помощь, да только тот пошёл ко дну стремительно, словно нечто тянуло его за ноги.

Шесть могил.

Сегодня вот седьмая.

Тела же доктора Фитцпатрика и лодочника Сайласа бесследно исчезли. Теперь уже покойный маршал Фостер связал всех словом. И они молчали по сей день.

— *...ибо прах ты и в прах возвратишься.*

Священник закончил. Опустили гроб. Миссис Фостер шагнула вперёд и бросила на крышку горсть земли. Та глухо рассыпалась по дубу, и Генри вздрогнул.

Люди начали расходиться. Кто-то подходил к вдове, сжимал её руку, говорил слова утешения. Она кивала, не поднимая лица. Генри стоял чуть поодаль, дожидаясь, пока опустеет могила.

— Скорбный день для Гримсхэвена, — сказал Фрэнсис Келли, поравнявшись с ним. — Фостер был достойнейшим человеком, джентльменом, упокой, Господь, его душу. Присоединитесь к поминкам, мистер Хоторн?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.